

Глава XXXI.

КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ НА ЮГЕ

При изучении Великой революции внимание обыкновенно бывает так поглощено борьбой, происходящей в Париже, что положение в провинции и сила, которой все время пользовалась там контрреволюция, невольно упускаются из виду. А между тем эта сила была громадная. В прошедшем она имела за собой целые века бесправия, а в настоящем она опиралась на денежные выгоды целого класса собственников. Изучая проявления этой силы, мы видим также, как ничтожна во время революции сила собрания представителей, даже в том невероятном случае, если бы большинство его оказалось воодушевлено самыми лучшими намерениями. Когда в каждом городе, в каждой деревне приходится бороться со старым порядком, который после минутной растерянности вновь собирается с силами и готовится остановить революцию, то победить такое сопротивление может только революционный натиск, сделанный на местах, именно в этих городах и деревушках.

Чтобы рассказать все интриги и деяния роялистов во время революции, потребовались бы целые годы работы в местных архивах. Но уже некоторые факты, которые я приведу, дадут о них понятие.

О восстании в Вандее писали все историки. Но обыкновенно думают, что единственный серьезный очаг контрреволюции был только там, среди полудикого населения, возбужденного религиозным фанатизмом. А между тем другой подобный же очаг существовал и на юге, и этот очаг был тем более опасен, что в этой части Франции деревни, на которые опирались роялисты, эксплуатировавшие религиозную вражду между католиками и протестантами, находились рядом с другими деревнями и большими городами, давшими революции ее лучших деятелей.

Руководство всеми этими противореволюционными движениями шло из Кобленца — маленького немецкого городка, находившегося в Тревском курфюршестве и сделавшегося центром роялистской эмиграции. Начиная с лета 1791 г., когда граф д'Артуа вместе с министром Калонном и впоследствии со своим братом, графом Прованским, поселился в этом городе, он стал средоточием всех роялистских заговоров. Оттуда отправлялись эмиссары, организовывавшие по всей Франции контрреволюционные восстания. Они вербовали солдат для Кобленца повсюду, даже в Париже, где редактор «Gazette de Paris» открыто предлагал 60 ливров каждому солдату, завербованному на службу эмигрантов. В продолжение некоторого времени этих солдат совершенно открыто отправляли сначала в Мец, а оттуда в Кобленц.

«Общество следовало за ними, — пишет Эрнест Додэ в своей работе «Роялистские заговоры на юге»*, — дворянство подражало принцам, а многие буржуа, многие люди незнатного

происхождения подражали дворянству. Эмигрировали из моды, из нужды, из страха. Одна молодая женщина, которую тайный правительственный агент встретил в дилижансе, ему ответила: «Я — портниха, мои заказчицы уехали в Германию, и я делаюсь эмигреткой («emigrette»), чтобы быть там, где они».

*Daudet E. Histoire des conspirations royalistes du Midi sous la Revolution. Paris. 1881.

Вокруг братьев короля создавался целый двор, с его министрами, камергерами и официальными приемами, а вместе с тем и с его интригами и мелочностью. Монархии других стран Европы признавали этот двор, вели с ним сношения, входили с ним в разговоры. Эмигранты все время ждали, что Людовик XVI приедет к ним и станет во главе войск. Его ждали в июне 1791 г., в момент его бегства в Варенн, затем позднее, в ноябре 1791 и в январе 1792 г. Наконец, июль 1792 г. был избран моментом решительного действия: роялистские войска западной и южной Франции должны были при поддержке войск английских, немецких, сардинских и испанских пойти на Париж, поднимая по дороге Лион и другие большие города; а в самом Париже роялисты в это время должны были предпринять решительные действия: разогнать Собрание и покарать всех «бешеных», всех якобинцев.

«Вернуть короля на престол», т. е. сделать его вновь абсолютным монархом; ввести опять старый государственный строй в том виде, как он существовал, когда были созваны Генеральные штаты, — таковы были их виды. И когда прусский король, который был умнее всех этих версальских выходцев с того света, спрашивал у них:

«Не требуют ли справедливость и благоразумие, чтобы некоторые злоупотребления старого порядка были принесены в жертву нации?» — они ответили ему: «Никакой перемены, Ваше величество, никакой поблажки!» (Документ, находящийся в Архиве иностранных дел и приведенный у Эрнеста Додэ)*.

*Daudet E. Op. cit.

Нечего и говорить, что все интриги, сплетни, зависть, свойственные Версалью, были перенесены целиком в Кобленц. У каждого из двух братьев был свой двор, своя официальная любовница, свои приемы и свой придворный штаб; бездельничающее дворянство жило сплетнями, которые стали еще более злостными, когда нужда свила свое гнездо среди эмигрантов.

Вокруг этого центра совершенно открыто собирались теперь фанатики-священники, предпочитавшие начать гражданскую войну, чем подчиниться конституции, как этого требовали новые декреты. Тут же вращались разные авантюристы-дворяне, готовые скорее попытаться счастья в заговоре, чем примириться с утратой своего привилегированного положения. Они приезжали в Кобленц, получали благословение принцев и папы для дальнейших заговоров и возвращались в Севеннские горы или на берега Вандеи, чтобы там разжигать религиозный фанатизм крестьян и поднимать роялистские восстания.

Симпатизирующие революции историки обыкновенно слегка касаются этих контрреволюционных движений. Они большей частью представляют их как малозначащие

события, вызванные несколькими фанатиками и легко побежденные революцией. Но в действительности роялистские заговоры охватывали целые области Франции; а так как, с одной стороны, им оказывали поддержку крупные вожаки буржуазии, а с другой — им давала пищу религиозная вражда между протестантами и католиками (так было, например, на юге), то революционерам приходилось в каждом городе, в каждой маленькой общине вести с роялистами ожесточенную борьбу.

Так, например, в то самое время, когда в Париже устраивался 14 июля 1790 г. праздник Федерации, который объединил всю Францию и должен был, казалось, поставить революцию на прочные коммунальные основы, роялисты подготавливали на юго-востоке федерацию контрреволюционеров. 18 августа того же года, около 20 тыс. представителей 185 общин провинции Виваре собрались на равнине Жалеса. У всех был на шляпе белый крест. В этот день под руководством дворян положено было основание Южной роялистской федерации, которая торжественно организовалась затем в феврале следующего года.

Эта федерация стала готовить прежде всего ряд местных восстаний к лету 1791 г., а затем — большое восстание, которое должно было вспыхнуть повсеместно в июле 1792 г. и при помощи иностранных войск нанести решительный удар революции. Роялистская федерация действовала таким образом в продолжение двух лет, ведя правильные сношения, с одной стороны, с Тюильрийским дворцом, а с другой — с Кобленцем. Она клялась «вернуть королю его славу, духовенству — его имущества, дворянству — его почетное положение». А когда первые попытки кончились неудачей, она организовала с помощью аббата — настоятеля Шамбаназского монастыря Клода Аллье обширный заговор, в котором должны были принять участие 50 тыс. человек. Это войско должно было выступить под белым знаменем, имея во главе многочисленных священников. При поддержке Сардинии, Испании и Австрии оно должно было идти на Париж, «освободить» короля, разогнать Собрание и «покарать патриотов».

В департаменте Лозер нотариус Шарье, бывший депутат Национального собрания, женившийся на девушке дворянского происхождения и получивший от графа д'Артуа полномочие на командование войсками, открыто организовывал контрреволюционную милицию и даже обучал своих артиллеристов.

Другим центром эмиграции был город Шамбери в Савойе, принадлежавший в то время Сардинскому королевству. Бюсси образовал там роялистский легион, который совершенно открыто обучался военному делу.

Так организовывалась контрреволюция на юге; а на западе духовные и дворяне в то же время ввозили оружие и послания папы, призывавшие к бунту; они подготавливали при поддержке Англии и Рима громадное Вандейское восстание.

Напрасно говорят историки, что в сущности таких заговорщиков и таких сборищ было немного. Революционеров, по крайней мере таких, что готовы были к решительному действию, тоже было немного. Люди действия во все времена во всех партиях составляют ничтожное меньшинство. Но контрреволюция держала в своих руках целые провинции благодаря привязанности одних к старине и предрассудкам, желанию других сохранить

вновь приобретенные имущества, и наконец, силе денег и влиянию религии; и именно эта страшная сила реакции, а вовсе не кровожадность революционеров, объясняет ожесточение, охватившее революцию в 1793 и 1794 гг., когда ей пришлось сделать отчаянное усилие, чтобы вырваться из рук, стремившихся задушить ее.

Действительно ли было у Клода Аллье 600 тыс. сторонников, готовых взяться за оружие, как он утверждал в Кобленце, куда ездил в январе 1792 г., это довольно сомнительно. Но несомненно одно: во всех южных городах революционеры и контрреволюционеры вели между собой с переменным счастьем непрерывную борьбу.

В Перпиньяне роялисты, состоявшие на военной службе, готовились открыть доступ через границу испанским войскам. В Арле в местной борьбе между патриотами и контрреволюционерами (первые назывались *monnetiers*, а вторые — *chiffonistes*) победа осталась сначала за последними.

«Узнав, — рассказывает один автор, — что марсельцы собираются в поход против них и даже разграбили ввиду этого похода марсельский арсенал, граждане Арля стали готовиться к сопротивлению. Они укрепились, заколотили городские ворота, прорыли рвы вокруг городских стен, обеспечили себе доступ к морю и преобразовали национальную гвардию так, чтобы лишить патриотов всякой силы».

Эти несколько строк, взятых у Эрнеста Додэ*, очень характерны. Такую же картину можно было видеть почти повсюду во Франции. Чтобы более или менее парализовать реакцию, потребовалось четыре года революции, т. е. отсутствие в продолжение четырех лет сильного правительства, и непрерывная борьба со стороны местных революционеров.

*Daudet E. Histoire des conspirations royalistes du Midi sous la Revolution. Paris, 1881. Додэ — автор очень умеренный и даже реакционер, но в его труде собрано много материалов, и он работал в местных архивах.

В Монпелье патриотам пришлось устроить союз для защиты священников, принесших присягу конституции, и тех прихожан, кто ходил на отправляемую ими службу. Беспреданно происходили уличные столкновения. То же самое было в Люнеле в департаменте Эро, в Иссенжо в департаменте Верхней Луары, в Манд в департаменте Лозер. Жители были постоянно вооружены. Можно сказать, что по всей этой области, в каждом городе, происходила борьба между роялистами, или местными фельянами, и патриотами, а впоследствии — между жирондистами и теми, кого тогда называли «анархистами». Мало того, в громадном большинстве центральных и западных городов реакционеры одерживали верх, и из 83 департаментов Франции революция встретила настоящую поддержку только в 30 департаментах. Кроме того, сами революционеры в большинстве случаев не сразу набирались смелости и лишь понемногу решались на борьбу с роялистами, по мере того как под влиянием событий сами они получали революционное воспитание.

Во всех этих городах контрреволюционеры оказывали друг другу поддержку. У богатых людей их лагеря, чего обыкновенно не было у патриотов, имелись всякие средства переезжать с места на место, посылать особых эмиссаров, скрываться в замках, устраивать

там склады оружия. Патриоты сносились, правда, с парижскими народными и братскими обществами, с обществом бедняков и с центральным обществом якобинцев; но они были так бедны! У них не было ни возможности запасти оружие, ни даже возможности свободно передвигаться!

К тому же все, что было направлено против революции, пользовалось поддержкой извне. Англия издавна следовала той же политике, как и теперь: ослаблять своих соперников, вербуя своими деньгами сторонников в их среде. «Питтовские деньги», о которых так много писалось тогда во Франции, вовсе не были «мифом», как это стараются представить теперь, далеко нет! На эти деньги роялисты свободно ездили с острова Джерси*, где был их центр и склады оружия, во французские порты Сен-Мало и Нант; и во всех крупных портах Франции, особенно в Сен-Мало, Нанте, Бордо, Тулоне, английские деньги создавали им приверженцев и подкупали торговый класс, «коммерсантистов», выступавших против революции. Екатерина II со своей стороны делала то же, что Питт. Германия, Австрия двинули против республики сильные армии, поддержанные Пьемонтом и Испанией. В сущности, в этом походе против революции приняли участие все европейские монархии. В Бретани, Вандее, Бордо, в Тулоне роялисты рассчитывали на Англию; в Эльзасе и Лотарингии—на Германию, на юге — на вооруженную помощь, обещанную Сардинией, и на испанские войска, которые должны были высадиться... в Эг-Морт. Даже Мальтийский орден готовился принять участие посылкой двух фрегатов.

*Он находится близко к берегам Бретани.

В начале 1792 г. департаменты Лозер и Ардеш, где скопились не подчинявшиеся конституции священники, были покрыты целой сетью роялистских заговоров, центр которых находился в Манд — маленьком городке, затерянном в горах Виваре; жители были здесь очень отсталые, а богатые буржуа и дворянство держали городское управление в своих руках. Посланцы заговорщиков свободно разъезжали по окрестным деревням и приказывали крестьянам вооружаться ружьями, серпами и вилами и быть готовыми выступить по первому призыву. Таким образом подготавливалось движение, посредством которого надеялись поднять области Жеводане и Веле, а затем заставить и Виваре идти им на помощь.

Правда, ни одно из роялистских восстаний, поднятых в течение 1791 и 1792 г. в Перпиньяне, Арле, Манд, Иссенжо и в провинции Виваре, не удалось. Лозунга «Долой патриотов!» оказывалось недостаточно, чтобы привлечь к себе нужное число восставших, и патриотам быстро удавалось рассеять роялистские скопища. Тем не менее борьба велась непрерывно в течение двух лет. Бывали времена, когда вся область была охвачена гражданской войной и во всех окрестных деревнях неумолчно били в набат.

Восстание настолько было серьезно, что на выручку патриотам должны были выступить вооруженные банды марсельцев. Они начали арестовывать местных контрреволюционеров, захватили Арль и Эг-Морт и положили начало тому террору, который впоследствии достиг на юге, в Лионе и в Ардеше, таких ужасных размеров. Что касается восстания, организованного в июле 1792 г. графом Сальяном с тем, чтобы оно вспыхнуло одновременно с восстанием в Вандее, в тот самый момент, когда немецкие войска уже направляются на Париж, то оно, несомненно, оказало бы на ход революции самое вредное влияние, если бы

народ не положил ему очень быстро предел. К счастью, на юге сам народ взялся за это; а вместе с тем и Париж начал организовываться, чтобы овладеть, наконец, центром всех роялистских заговоров — Тюильрийским дворцом.

Версия #1

██████████ ██████████ создал 26 апреля 2025 18:37:50
██████████ ██████████ обновил 26 апреля 2025 18:38:06